

Ляховицкий Е. А.

**Царские речи в составе Стоглава
и их место в композиции памятника**

Одними из самых часто цитируемых и вызывающих исследовательский интерес текстов Стоглава Полной редакции являются обращения Ивана IV к Стоглавому собору – «царские речи». Традиционно выделяют четыре «Царские речи»¹. Как правило, эти тексты рассматриваются с точки зрения того, как они отражают реалии хода собора. Между тем, к настоящему моменту можно считать надежно установленным, что «Стоглав» не отражает ход собора непосредственно, а является результатом сложной компоновки его материалов². В связи с этим встает вопрос о месте и значении «Царских речей» в составе Стоглава, тем более что эти тексты серьезно различаются как по форме, так и по содержанию.

«Первая царская речь», очевидно, является частью занимающего всю 2-ю главу литературно-философского предисловия, настолько органичной, что нет оснований считать ее даже литературной обработкой реальной царской речи, как считал Б. А. Романов³. По своему содержанию, этот фрагмент является кратким художественным пересказом общего содержания прочих «царских речей».

¹ См., например: *Лебедев Н.* Стоглавый собор 1551 года (Опыт изложения его внутренней истории). М., 1882. Вып. 1. С.8–11; *Бочкарев В.* Стоглав и история собора 1551 года. Юхнов, 1906. С. 31–39; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России 30-х – 80-х гг. XVI века. СПб., 2006. С. 160–166.

² См.: *Жданов И. Н.* 1) Материалы для истории Стоглавого собора // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXXXVI. 1876. Июнь-июль. С. 53–64; 2) Церковно-Земский собор 1551 года // *Жданов И. Н.* Сочинения. Т. I. СПб., 1904; *Коновалов Н.* Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава. Троице-Сергиева лавра, 1904; *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000; *Ляховицкий Е. А.* 1) К вопросу о соотношении Стоглава и наказных грамот // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. Вып. 3(29). С. 66–67; 2) К истории создания полной редакции Стоглава // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. Вып. 3 (45). С. 74–75; 3) Стоглавый Собор и общественное сознание Руси XVI века. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2012.

³ *Романов Б. А.* Комментарий // Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 189.

«Вторая царская речь» целиком занимает 3-ю главу Стоглава. Составители Стоглава в предваряющей «Речь» фразе характеризуют ее как представленное царем на собор «своя руки написание». «Вторая царская речь» представляет собой, вероятно, самый идеологически насыщенный текст в составе Стоглава. Обращаясь к духовенству, царь говорит о необходимости исправления и укрепления религиозно-нравственных основ общества и просит у духовенства, в первую очередь, разумеется, у высшей церковной иерархии, помощи в решении этой задачи.

Формулируя эту просьбу, в заключительной части речи царь выражает свое мнение о своей роли в решении обрисованной им задачи и о роли в нем высшей иерархии: «Мене с(ы)на своего, наказуйте и просвещайте на всяко бл(а)гочестие, яко же лепо есть бл(а)гочестивымъ ц(а)ремъ быти въ всякихъ ц(а)рьскихъ праведныхъ законехъ и въ всякомъ бл(а)говери и чистоте» «...о б(о)гособранный соборе, потружайтеся веры ради Х(ристо)вы во еже исправити и изъяснити по правилом с(вя)тых от(е)ць – на сие бо и собрах вас аз же». Вероятно, самое замечательное место в «речи» – фраза, в которой царь отделяет свою зону ответственности от зоны ответственности высшей иерархии: «Аще по вражию навету некоторое поползновение будет чрез б(о)ж(е)ственнаа правила вашим нерадениемъ во всяких наших хр(и)стианских законехъ без обличения, сему убо есмь азъ не причастенъ. Вы о семъ ответъ дадите въ д(е)нь Страшнаго Суда»⁴.

С точки зрения композиции Стоглава, «Вторая царская речь» играет ту же роль, что и литературное вступление во второй главе, описывающее в красочных выражениях созыв собора царем. Оба фрагмента, по существу, рисуют модель идеальных взаимоотношений между царством и святительством: с одной стороны, инициатива, активная деятельная роль в деле поддержания в обществе высших ценностей христианского благочестия принадлежит царю. С другой стороны, за направлением своей активности царь обращается к церкви – главному хранилищу этих ценностей. Именно этот смысл подчеркивается текстом-комментарием «от автора», которым завершается 3-я глава Стоглава: «...и бе чудно видение, и всякого ужаса исполнь, толика ц(а)рьское величество Ц(е)ркви Б(о)жии з д(у)шевным желаемъ съвокупляется...»⁵.

В четвертой главе принято выделять «Третью» и «Четвертую» «царские речи». Тем не менее, нет достаточных оснований для того,

⁴ Емченко Е. Б. Стоглав. С. 248–250.

⁵ Там же. С.250.

чтобы отделять, в контексте Стоглава, «третью царскую речь» от «четвертой». Составитель Стоглава считал нужным объединить эти фрагменты в одной главе, вместе охарактеризовав их, как «иная написания о новых чудотворцах и о многих и различных ц(е)рк(о)вных чинех и вопросах имуща сице»⁶. С содержательной точки зрения «Третья царская речь» тесно связана с «Четвертой»: в ее начале описывается история канонизации «новых чудотворцев», после чего следует текст, непосредственно касающийся собора 1551 года: «Въ двадесят(ь) первое лето от родства и восмоенадесят(ь) лето ц(а)рства моего, по повелению н(а)шему, архиеп(и)с(ко)пы и еп(и)с(ко)пы, и архимариты, и игумены, и пустынники, и д(у)ховные старцы, и протопопы, и попы, и со всеми ос(вя)щенными съборы всего нашего Росийскаг(о) царствия в царствующем граде Москве сообращас(я)... въ ц(а)рских полатах съшедшис(я) вкупе и начахом о Б(о)зе творити дело сие»⁷. Из этого текста очевидно, что по отношению к «четвертой царской речи» «третья» является преамбулой, смысл которой, по всей видимости, состоит в том, чтобы связать действия Собора 1551 года с предшествующими канонизационными соборами.

Чтобы правильно понять место «Третьей» и «Четвертой» «царских речей» в процессе редактирования Стоглава и место этой группы текстов в композиции памятника в целом, необходимо обратиться к знаменитому сборнику Евфимия Туркова (ОР РНБ. ОСПК. Q.XVII.50.), содержащему часть архива архиепископа Новгородского Феодосия – участника Стоглавого собора. Часть сборника, где содержатся материалы, связанные с Собором⁸, традиционно рассматривается в литературе почти исключительно в связи с открытыми И. Н. Ждановым «Дополнительными царскими вопросами», светское содержание которых дало исследователю повод считать собор «Церковно-земским»⁹. Для нас прежде всего важно то, что в данной статье сборника Евфимия мы видим в качестве единого блока четвертую царскую речь и «Первые царские вопросы» с известным продолжением. По всей видимости, эти тексты и есть рабочая программа, необходимая для ознакомления непосредственному участнику собора, каким был Феодосий Новгородский. То обстоятельство, что в этой программе отсутствует «третья царская речь» дает основания полагать, что она не

⁶ Там же. С. 248.

⁷ Там же. С.252.

⁸ ОР РНБ. ОСПК. Q.XVII.50. Л.314–339.

⁹ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // Журнал Министерства Народного просвещения. Часть CLXXXVI. 1876. июнь-июль. С. 53-64.

является отдельным реальным документом, а возникла в процессе оформления начальной части Стоглава.

Рассматривая «четвертую царскую речь» в контексте сборника Евфимия Туркова, нельзя не коснуться вопроса о связи ее с «Дополнительными царскими вопросами». Обсуждая тезис И. Н. Жданова о «церковно-земском» характере Стоглавого собора, исследователи разбирали вопрос, действительно ли «Дополнительные царские вопросы» связаны со Стоглавым собором. Целый ряд исследователей, таких как Н. Кононов, Д. Ф. Стефанович, А. А. Зимин, С. О. Шмидт, Н. Е. Носов, отвечал на этот вопрос отрицательно¹⁰. Основаниями для этого служили два обстоятельства. Во-первых, в третьем из «Дополнительных царских вопросов» ставится проблема «белых слобод», которая, как указывается в 98-й главе Стоглава, обсуждалась и была разрешена на совещании царя с митрополитом в сентябре 1550 г. Во-вторых, в «Дополнительных царских вопросах» фигурирует только приговор о местничестве от ноября 1549 г., но не упоминается приговор о том же предмете от июля 1550 г. Следовательно, текст «Дополнительных царских вопросов» мог возникнуть летом 1550 г., значительно раньше, чем состоялся церковный собор, начавшийся в январе-феврале 1551 г.¹¹

В противоположность упомянутым исследователям И. И. Смирнов отстаивал принадлежность «Дополнительных царских вопросов» Стоглавому собору. По существу, единственным, но весьма весомым аргументом И. И. Смирнова была очевидная связь «Дополнительных царских вопросов», которые в тексте сборника Евфимия Туркова являются органическим продолжением текста «Первых царских вопросов», ничем от них не отделенным. И. И. Смирнов справедливо замечал, что «Дополнительные царские вопросы», понимаемые таким образом, устраняют противоречие между содержанием «Четвертой царской речи», где от лица царя недвусмысленно выражается желание обсудить на Соборе в том числе и «земские строения». И. И. Смирнов пытался примирить противоречие, возникавшее между характером текста

¹⁰ Кононов Н. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава. С. 34–37; Стефанович Д. Ф. О Стоглаве. С. 55; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 336–338; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 28–31.

¹¹ Данная датировка начала заседаний собор была убедительно обоснована Д. Ф. Стефановичем (Стефанович Д. Ф. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. Спб., 1909 С. 81–90). Таким образом, дата, которой открывается рассказ о созыве собора в 1-й главе «Стоглава» – 23 февраля 1551 г. не является датой начала работы собора.

сборника Евфимия и убедительными доказательствами того, что текст «Дополнительных царских вопросов» возник летом 1550 г., трактуя текст 98-й главы Стоглава как свидетельство того, что сентябрьский приговор не разрешил проблемы церковных слобод¹².

Единственный выход из имеющегося противоречия – признать, что текст «Четвертой царской речи», как и «Дополнительные царские вопросы», возник летом 1550 г., приняв, таким образом, мнение Б. А. Романова (который, впрочем, распространял его на все «царские речи»)¹³. В таком случае, «третья царская речь», очевидно, выражает стремление составителя Стоглава исказить ход событий и искусственно привязать текст «четвертой царской речи» к событиям января-февраля 1551 г., создав, так сказать, идеальный, обобщенный образ события, соответствующий литературным тенденциям эпохи¹⁴ и конкретной идеологической задаче. Если это так, то нет никакой причины считать, что с событиями января-февраля 1551 г. непосредственно связаны и «Первые царские вопросы». Следовательно, есть основания полагать, что весь текст, имеющийся в статье из сборника Евфимия, включая «Первые царские вопросы», относится к событиям лета 1550 г., в ходе которых Боярской думой был принят Судебник¹⁵.

Так или иначе, произведенный нами обзор «Царских речей» позволяет сделать вывод, что составители компилировали различные рабочие материалы, предшествующие решениям, которые разрабатывались в январе–мае 1551 г., и интерпретировали их путем ввода собственных текстов, прежде всего для того, чтобы показать идеальную модель взаимоотношений царства и священства. Особенно важно заметить, что начальная часть Стоглава, включавшая «Царские речи», создавалась в форме исторического повествования о Соборе. Если учесть, что, как показала на материалах того же Стоглава Е. Б. Емченко, традиция, зафиксированная в литературных памятниках, воспринималась в Московском царстве того времени как полноценный источник права, становится ясным, что начальная часть Стоглава стре-

¹² Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 486–488.

¹³ Романов Б. А. Комментарий. С.190.

¹⁴ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы. Л., 1987. С. 100.

¹⁵ Нам представляется убедительной точка зрения Н. Е. Носова, который считал, что на лето 1550 г. планировался собор, который должен был, в частности, утвердить Судебник, но его не удалось организовать, как ввиду острых противоречий по поводу нового законодательства, так и ввиду сложной военной обстановки (Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 43–44).

мится не только продемонстрировать, но и закрепить изображаемую ею идеальную модель. По всей видимости, начальную часть Стоглава следует рассматривать не как предисловие к дальнейшему изложению постановлений собора, а как полноценный раздел Стоглава, несущий наиболее фундаментальные для русского общества того времени правовые нормы.

Литература

1. *Бочкарев В.* Стоглав и история собора 1551 года. Юхнов, 1906.
2. *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000.
3. *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXXXVI. 1876. Июль-июнь.
4. *Жданов И. Н.* Церковно-Земский собор 1551 года // *Жданов И. Н.* Сочинения. Т. I. СПб., 1904.
5. *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
6. *Кононов Н.* Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава. Троице-Сергиева лавра, 1904.
7. *Лебедев Н.* Стоглавый собор 1551 года (Опыт изложения его внутренней истории). М., 1882. Вып. 1.
8. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси // *Лихачев Д. С.* Избранные работы. Л., 1987.
9. *Ляховицкий Е. А.* К вопросу о соотношении Стоглава и наказных грамот // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. Вып. 3(29). С. 66–67.
10. *Ляховицкий Е. А.* К истории создания полной редакции Стоглава // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. Вып. 3 (45). С. 74–75.
11. *Ляховицкий Е. А.* Стоглавый Собор и общественное сознание Руси XVI века. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2012.
12. *Романов Б. А.* Комментарий // Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952.
13. *Смирнов И. И.* Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.
14. *Стефанович Д. Ф.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. Спб., 1909.
15. *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России 30-х – 80-х гг. XVI века. СПб., 2006.